

ИЗ ДАЛЕКОГО КРАЯ

**Эпическое повествование
об отчаянии, милосердии
и спасении**

ПЕТР ИЛЬИН

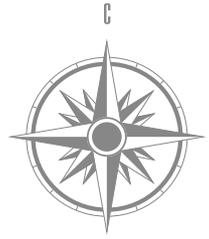
Предисловие Джони Эриксон Тада

2-е издание

Издательство «Виссон»
Санкт-Петербург, 2017

КАРТА МИРА 1933—1956

СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН

СЫЙ КРУГ

НАЧАЛО: ВЕСНА 1927
ПЛАВОВА: УКРАИНА

ТИХИЙ

Тропик Рака

ОКЕАН

ИНДИЙСКИЙ Экватор

ОКЕАН

Тропик Козерога

ога

202

0 1000 км

ПРЕДИСЛОВИЕ

Спросите подростков о катаклизмах в истории двадцатого века, и они растерянно посмотрят на вас. Ленин... Черчилль... Сталин? В современных школьных учебниках этим незнакомцам посвящено всего лишь 1–2 страницы объяснений. Поинтересуйтесь у старшеклассников, что такое «холодная война», и они ответят: это споры о том, где находится Северный полюс. Поищите в Интернете выражение «железный занавес», и вы, скорее всего, набредете на страницу одноименной панк-рок-группы, а не на информацию об историческом разделе между Западом и советской империей.

История двадцатого века мало интересуется новое поколение, предпочитающее книги «в кратком изложении». А я бы хотела воскресить прошлое и своими глазами увидеть людей, которые творили историю минувшего века. Нам стоит послушать рассказы нестигаемых праведников, которые пересекли страны и континенты, выжили, несмотря на гонения и нищету, и обрели свободу и волю.

ИЗ ДАЛЕКОГО КРАЯ

История Вани Ильина затронет вас за живое и укрепит веру в Божественное Провидение. Это не просто захватывающий рассказ о том, как осиротевший ребенок бежал из страны, где утвердилась жестокая тирания Сталина, или о том, как его родственники, преодолевая опасности, попали из Украины в пустыню на западе Китая, или о том, какие удивительные встречи ожидали их в пути. Нет, это далеко не все.

В этой саге говорится о Боге и убедительно доказывается, что Он никогда не оставляет нас в беде. Книга объясняет, как Бог кроит и правит каждого из своих детей по образу и подобию любимого Сына. Это летопись Божественного милосердия. Всемогущий Господь научил Ваню видеть в пережитых страданиях Его милости; Провидение смогло убедить его в том, что разочарования — это ниспосланные с неба уроки, а беды — испытания веры, через которые его провел всезнающий милосердный Бог.

Более сорока лет я парализована и передвигаюсь в инвалидном кресле. Я помню, как ласковая рука Господа поддерживала меня в годину несчастий, и сейчас я по-прежнему нахожусь под Его защитой. История веры и отваги Вани заставляет меня забыть о себе. Нам следует извлечь из нее урок, прочувствовать, пережить и принять любовь и милость Господа. Вы тоже должны это сделать, друг мой. Мы привыкли к тому, что в нашем мире превыше всего ценится комфорт, и забыли, что значит страдать во имя Христа — страдать с готовностью, мужеством и достоинством. Давайте учиться улыбаться не *вопреки* трудностям, а *благодаря* им.

Двадцатый век кончился. Мы живем в новом мире. Скорее всего, Ваня не узнал бы его. Впрочем, нет. Он бы его *узнал*.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед лицом новых войн, которые угрожают глобальным холокостом, он бы напомнил людям о Спасителе, Который еще в пути. Он бы рассказал нам старинную историю о том, как Иисус победил огромную тлетворную опухоль греха. И вскоре — возможно, быстрее, чем мы думаем, — Он преградит дорогу ненависти и резне, чтобы приветствовать выживших.

Вы держите в руках исторический роман, но в нем поднимаются весьма важные современные проблемы. Поэтому я с радостью рекомендую его к прочтению. Эта книга предназначена тем, чья душа мечется и трепещет, и тем, кто не в силах вырваться из тисков несчастья. Она предназначена и *вам*, раз вы читаете эти строки. Продолжайте читать, и вы узнаете то же, что и я.

Милость Господа поддержала Ваню во время страшных испытаний. Неужели Его милости не хватит для нас с вами? С Его помощью вы *все преодолеете*. Ваня *согласился* бы со мной. Я молюсь о том, чтобы, читая эту книгу, вы поняли, что Господь, посылая вам страдания, пишет *вашу* историю, как писал историю Вани Ильина.

«Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» (1 Пет. 2:21).

Джони Эриксон Тада

«Джони и друзья»

Лето 2010

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В 1917 году в России прогремела большевистская революция, после которой начались колоссальные социальные изменения. Владимир Ленин, самопровозглашенный лидер революции, издал указ о национализации сельскохозяйственных угодий и заводов. Множество людей в новом коммунистическом мире были вынуждены покинуть обжитые места или оказались в тюрьме. Спустя несколько лет растущая советская империя поглотила Украину и другие соседние страны.

После смерти Ленина в 1924 году к власти пришел еще более жестокий тиран — Иосиф Сталин. Пресловутые сталинские «чистки», направленные против евреев, христиан и других реальных и воображаемых врагов, привели к тому, что миллионы людей бежали за границу.

П О Я С Н Е Н И Е   А В Т О Р А

В книге раскрывается драматическая жизнь моего отца Ивана Ильина. Повествование идёт от его имени. Более семнадцати лет я проводил тщательное исследование всех событий его пути, встречаясь с его друзьями, родственниками и пасторами церквей. Это история веры в Господа, которую не сокрушили невыносимые жизненные трудности.

Петр Ильин

П Р О Л О Г

Май 1933 года — провинция Синьцзян
НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ КИТАЯ

ПАПА, ГДЕ ТЫ?

Я не понимал, куда делся отец. Всего минуту назад он нес меня по затопленным рисовым полям. Выглядывая из-за огромного валуна, я не видел ничего, кроме бескрайних просторов. Пограничники — русские или китайские — легко выслеживали на них беглецов. Нам удалось добраться сюда в целостности и сохранности, но мы очень устали. Впереди ждал долгий путь к свободе. Только отец куда-то пропал.

— Папа, где ты?

Этот вопрос непрерывно звучал у меня в голове. Я пытливо заглядывал в глаза брату Мише. Ему исполнилось двенадцать. Он был на семь лет старше меня. Я верил, что Миша знает все на свете. Конечно же, он объяснит, почему папа не прячется вместе с нами.

ИЗ ДАЛЕКОГО КРАЯ

— Тише, Ваня, а то услышат! — прошептал Миша. Он приподнял меня и показал на рисовое поле. — Воң, — сказал брат, — видишь холм? Там папа.

Я прищурился, выглядывая отца в предрассветных сумерках. Прошло несколько минут. Утренний свет залил затопленные поля, и я заметил небольшой холмик. Точно, там лежит папино пальто. Но где же он сам?

Лишь когда солнце показалось из-за горизонта, я увидел выбившиеся из-под пальто черные как смоль волосы. *«Должно быть, это папина голова, —* подумал я. *— Но почему он не шевелится? Как будто спит — так мирно, так тихо...»* Я собирался подбежать к нему. Я хотел, чтобы папа меня обнял.

— Ваня, слезай с камня. Вдруг тебя увидят?

Я неохотно послушался и плюхнулся рядом с сестрами. Маруся была старшей из нас, а Лена родилась на два года раньше меня. Маруся не теряла самообладания, даже когда нам было очень страшно. Миша говорил, что в три годика ее случайно уронили и она повредила локоть. Врачей поблизости не нашлось, и в сломанной кости началось воспаление. Левая рука так и не была исправлена, и теперь неуклюже свисала, словно ее кто-то выкрутил, а из язвы на локте сочился желтый гной. Но мы все равно любили и уважали Марусю. Ей было всего тринадцать лет, а она уже заботилась о нас, младших детях.

У Лены были черные волосы. Ее карие глаза потемнели и ввалились. Из-за этого она выглядела серьезной, словно всегда о чем-то сосредоточенно размышляла. Она была вспыльчивой девочкой и за словом в карман не лезла, но сейчас молча сидела рядом с нами. Мы, четыре голодных, оборванных ребенка, робко цеплялись друг за друга, словно за надежду.

Другие семьи расположились поблизости. Я видел, как какой-то мужчина ласково успокаивает детей, и мне стало тоскливо оттого, что папы и мамы нет рядом и некому нас утешить. Папа один-одинешенек лежит на рисовом поле, а мама... где же мама?

Мне было всего четыре с половиной года, и события последних дней слились для меня в неразборчивое пятно. Я помнил, что мама вместе с нами перешла китайскую границу. Нас было сорок шесть человек. Мы бежали ночью из советского Жаркента, не успев запастись едой и питьем. Этот казахский городок находился всего в двадцати километрах от границы с Китаем.

Мы шли ночами и наконец добрались до этого странно-затерянного места. Я даже не знаю, сколько дней продолжался наш поход. Я бы с радостью забыл это ужасное время. По пути мы заблудились и чуть не умерли от жажды. Маленькие дети безутешно плакали. Я тоже иногда плакал, хоть и старался держаться. Слезы не помогали, но порой я изнемогал от жары, голода, жажды, страха и усталости... К счастью, нам удалось перейти границу и хорошо спрятаться.

Вчера на рассвете четыре женщины, в том числе мама, вызвались сходить в соседнюю деревню и купить хлеба. Мужчины остались охранять детей. Я хотел пойти с мамой, но у меня так сильно болели ноги, что я не мог сделать ни шагу. Оставалось только ждать и молиться. Прошло несколько часов. Мы нетерпеливо оглядывали горизонт. Где же они? Скорее бы принесли еду! Голод был невыносимым. С каждым часом беспокойство росло. Мы не находили себе места. Вдруг Миша вскрикнул. Он первый увидел на горизонте

ИЗ ДАЛЕКОГО КРАЯ

женщин, и мы с ним побежали навстречу матери. К нашему ужасу, ее среди них не было.

— Скажите, где наша мама? — взмолились мы.

— Наверное, хлеб ищет, — ответила мамина подруга Маша. — Думаю, она скоро придет.

Узнав, что мама не вернулась, папа изменился в лице. Мы молча съели плоский круглый хлеб, которым нас угостили. Встревоженный отец предложил помолиться.

К вечеру мама так и не вернулась, а старейшины решили идти дальше. Они говорили, что мы находимся слишком близко к границе. Мы все прекрасно понимали, что после ареста взрослых отправят обратно, где их ждут тюрьма, побои или даже смерть. Церковный староста Иван Верховод говорил, что нам нужно забраться как можно дальше в глубь Китая. Только там мы будем в безопасности. Мы не знали, сколько нам предстоит идти, но старейшины настаивали вечером отправиться в путь.

Я никогда не забуду, какие глаза были у папы, когда другие беглецы стали собираться в дорогу. Он громко и отчаянно протестовал, убеждая людей подождать маму. Но тщетно. Я слышал, как Иван Верховод сказал ему:

— Надо идти. Ты должен верить, что Господь вернет Пелагею.

Папа растерялся. Что делать: ждать маму или идти вместе с остальными? Наконец он велел нам готовиться к дороге. Маруся и Миша стали паковать наши скудные пожитки и одевать меня и Лену. Я все время спрашивал Мишу, когда вернется мама, но в ответ он только грустно глядел на меня. В его глазах застыли слезы. Маруся плакала. На папу было

страшно смотреть. Я никогда не видел его таким несчастным, как тогда, когда мы пустились в путь. Обычно он улыбался и пел, а сейчас лишь кряхтел и горбился.

Уже поздней ночью мы подошли к огромному рисовому полю. Старшие предлагали его обойти, но оно было слишком большим. Мы проваливались в грязь по пояс и передвигались мучительно медленно. Папа переносил меня через поле, но несколько раз оступался, и я падал вниз. Наконец кто-то заметил его страдания, подхватил меня и понес вперед.

— Быстрее! Скоро рассвет! — крикнул Иван. Было видно, что он сильно встревожен. Ночью мы чувствовали себя в безопасности, но уже через час темнота рассеется.

— Туда! — воскликнул кто-то. — Давайте спрячемся в придорожной канаве.

Я помнил, как мы добрались до той грязной канавы. Но почему папа остался на рисовом поле? Мой детский разум не находил ответа. Я обратился к Мише, и он сказал:

— Когда старшие велели нам бежать к канаве и прятаться, папа не мог идти дальше, потому что слишком ослаб. Тогда они нашли на поле сухое место и положили туда папу, чтобы его никто не заметил.

Я вжался в стенку канавы. Из ботинок сочилась грязь. Папа дважды чинил их и полировал, чтобы они блестели, как новенькие. Что бы он сказал, если бы увидел, в каком они состоянии? Что бы подумала мама? Почему она до сих пор нас не догнала? Почему папа не идет к нам? За что несчастья обрушились на нашу семью? Слезы катились по перепачканным щекам, и даже ласковые утешения брата не могли их остановить.

Ч А С Т Ь 1

Начало весны 1933 года —
на востоке от Алма-Аты (Казахстан)

ЕКАТЕРИНБУРГ, УКРАИНА

БАКУ, ГРУЗИЯ

БАКУ, АЗЕРБАЙДЖАН

АЛМА-АТА, КАЗАХСТАН

ЖАРКЕНТ, КАЗАХСТАН

ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

Экватор

Маврикий

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я РОС В СЧАСТЛИВОЙ СЕМЬЕ. Горе обходило ее стороной, хотя взрослые порой шептались о каких-то сталинских чистках и вспоминали о друзьях, которых увозили неизвестно куда. Поговаривали, что большевикам причины не нужны. Но с нами, конечно, такого не случится. Папа всегда повторял, что мы, Ильины, законопослушные и трудолюбивые христиане. Мы не из тех, кто вяжется в неприятности. Но беды, голод и страх преследовали нашу семью, куда бы мы ни направились. Они не оставили нас, даже когда мы добрались до границы родной страны.

Мои первые воспоминания о папе... Он, голодный и уставший, возвращается после работы. Папа по двенадцать часов в день трудился электриком на деревенской электрической подстанции. Когда он открывал дверь, я, босой, с ликующим воплем бросался к нему по земляному полу. Он подхватывал меня, и я обнимал его изо всех сил.

ИЗ ДАЛЕКОГО КРАЯ

— Поймал кролика! — с улыбкой говорил папа. — А вот хлеб — для тебя и всех остальных.

Я набивал рот черствым хлебом, заглядывал в папины карие глаза и спрашивал:

— А где ты поймал кролика? Это его хлеб?

Маруся и Миша всегда покатывались со смеху, когда я задавал этот вопрос.

В деревушке Радивка, что рядом с рекой Или, мы жили впроголодь, но все-таки были счастливы. Я был слишком мал и не помнил, как мы там оказались. Миша рассказывал, что мы переехали сюда из украинской деревни Адамовка. На это потребовалось четыре года. Он говорил, что я родился в Батуми, в Грузии, и всегда прибавлял, что мы дошли сюда с Божьей помощью. Мама и папа тоже часто это повторяли.

В нашем доме из глины и соломы было две комнаты. Он принадлежал совхозу — большой коммунальной ферме, на которой выращивали хлопок. Мы получали еду с общей кухни, но ее не хватало. Мы вечно изнывали от голода. Мама выращивала овощи, чтобы разнообразить скудный стол.

Мой младший брат Вася родился в совхозе. Я был старше его на три года. Он был болезненным, хилым ребенком. Мама кормила его молоком, но он никак не поправлялся.

Рядом с нами жили другие христиане — всего пять семей. Мы собирались каждое воскресенье, пели песни и слушали проповеди, которые читал папа или кто-нибудь из мужчин.

На праздники — Рождество, Пасху — мы в повозках отправлялись в казахский город Жаркент на службу в большую церковь. Я всегда с нетерпением ждал поездки. Мне нрави-

лось бывать в гостях у дяди Митрофана (папиного брата) и тети Марии. Митрофан всегда хорошо принимал нас, а тетя Мария по праздникам угощала печеньем или давала кусочки сахара. Я впервые попробовал сахар у них в доме.

Митрофан и Мария первые из наших родственников ушли с Украины в Казахстан. Мы последовали за ними. Мой дедушка (папин отец) жил у них. Даже в праздничные дни он казался глубоко погруженным в собственные мысли. Миша говорил, это потому, что незадолго до отъезда с Украины его жену убили.

Я помню, как на встречах с родственниками папа и мама говорили о Китае (эта страна находилась недалеко от нашей деревни). Они верили, что Бог призывает нас туда. В Китае будет много хлеба, мёда и молока. Вскоре я начал мечтать о Китае. Я любил воображать горы сахара и поля из мягкого белого хлеба, которые нас там ждут.

Однажды вечером, когда мы, дети, опустились на колени у кроваток перед молитвой, папа сказал, что Бог велел ему вести нас в Китай.

— Ура! — закричал я.

— Тише, Ваня! — шикнул на меня папа. — Никому об этом не рассказывай. Если в милиции узнают, что мы едем в Китай, то меня — а может, всех нас — посадят в тюрьму.

Я, конечно, не хотел, чтобы папу посадили в тюрьму, и молчал как рыба.

Вечером следующего дня мама раздала нам за ужином вдобавок к основному блюду по куску черного хлеба. Затем отец собрал нас и встал у кровати, чтобы помолиться.

— Сегодня мы пойдём в Китай.

ИЗ ДАЛЕКОГО КРАЯ

Я, Миша и наши сестры были вне себя от радости. Я уже чувствовал на языке вкус китайского белого хлеба и сахара.

В одиннадцать часов вечера мы выскользнули из дома. Родители не стали брать с собой много вещей: они захватили лишь перемену одежды для каждого и немного еды. Мы просто закрыли за собой дверь и пошагали вперед.

К нашей семье из семи человек присоединились соседи — женщина по имени Мария Харинова и ее мать Соня. Папа сказал, если мы будем идти быстро, то к утру дойдем до границы. Мы шли украдкой, стараясь никому не попадаться на глаза. К счастью, нам никто не встретился. У границы росла высокая трава и кусты. Там было легко спрятаться. Когда я шел рядом с папой, то трава скрывала меня с головой.

На рассвете мы подошли к реке Хоргос, по которой проходила граница с Китаем. Мама и папа отыскивали укромное местечко для отдыха. Но у нас закончилась еда, и от голода урчало в животах. Папа показал на пастушьи юрты на другом берегу реки. Мама кивнула. Спустя несколько минут она и наша соседка Соня пошли через реку вброд. Папа объяснил, что они хотят купить хлеба. И точно: через час они вернулись со стопкой теплых круглых лепешек. Похоже, моя мечта о сытном хлебном Китае сбывалась! Мама дала нам с Мишей лепешки. Мы с довольным видом принялись набивать животы, но отец строго взглянул на нас и показал, чтобы мы склонили головы. Когда держишь в руках свежий теплый хлеб, молитва кажется очень длинной...

Наконец папа произнес: «Аминь», — и мы вновь принялись за еду. Но мама нас остановила:

— Когда мы молились, Бог сказал мне, что нам нельзя здесь оставаться. Надо перейти границу. Там и поедем.

Лично я не слышал, чтобы Бог что-то сказал, но мама не сдавалась. Соседка Мария стала громко спорить и убеждать папу съесть хлеб здесь, пока он теплый. Я бы с удовольствием так и сделал, но удивился, почему папа не поддержал маму.

Мы приступили к еде. Мария отошла в сторону, чтобы набрать воды из пруда неподалеку. Вдруг Вася громко заплакал. Мама отчаянно пыталась его успокоить, но он кричал все громче. И тут мы услышали шум — страшный громopodobный звук. Я похолодел всем телом. Кто-то приближался к нам на лошади!

Вася безутешно плакал, а нам негде было спрятаться. Вдруг перед нами выскочили две вороные лошади, чуть не затоптав нас. Эти огромные чудовища так меня напугали, что я выронил лепешку. На лошадях сидели два пограничника в форме. Они, усмехаясь, смотрели на нас.

— Это еще что? — взревел пограничник с густыми черными усами. — Куда вы собрались? Никак в Китай?

Мужчины громко захохотали.

Не успел я сообразить, в чем дело, как они спешили и начали рыться в наших пожитках. Мама захватила с собой в дорогу немного денег. Они их забрали.

Мария, которая ушла к пруду, так и не вернулась. Наверное, она услышала шум и перебежала через границу. Мать звала ее, но тщетно. Пограничники тоже не смогли ее найти.

Они забрали у нас все, даже хлеб. Пограничники под конвоем вели нас пять километров до штаба. Они ободрали нас как липку. Нам приказали раздеться. Соня попросила

ИЗ ДАЛЕКОГО КРАЯ

маму спрятать две золотые монеты. Одну монету мама проглотила, а вторую подсунула под волосы. Охранники ее не увидели. Еще у мамы была двадцатирублевая купюра — Миша спрятал ее под подошву ботинка.

Охранники увели папу в отдельную камеру, где сидели мужчины. А нас с мамой втокнули в другую комнату, где находились другие незадачливые беглецы. Некоторые мужчины носили странные маленькие шапочки, а женщины скрывали лица под вуалью. Мама сказала, это мусульмане. В комнате были также евреи и русские. Мы жались друг к другу, мучаясь от страха и голода.

В камере мы просидели три дня. За все время мы ели только жидкий водянистый суп. Еще нам выдавали крошечные кусочки черствого хлеба. Изредка охранники выпускали нас погулять на маленький огороженный двор, но там не было тени, а на улице стояла невыносимая жара. Мы страдали от голода и жажды. Однажды, когда мы с Мишей стояли у забора, он заметил, что тюремщики кормят свиней и собак. Одному псу достался кусок хлеба — больше того, что выдавали на всю нашу семью. Когда он пробежал мимо, Миша протиснулся через забор и погнался за ним. Солдаты закричали и побежали за ним, но не успели его поймать; Миша напугал пса, и тот уронил хлеб. Миша поднял кусок, быстро пролез под забором и гордо подал его матери.

— Не смей так делать! — заорал один солдат.

— Мы есть хотим, — ответил Миша, повернувшись к нему спиной, и пошел прочь от забора, улыбнувшись мне по дороге.

За три дня в участок привели еще несколько семей. Теперь он был набит до отказа. Мы не видели папу с тех пор,

как его увели в другую камеру. На третий день женщин и детей привели на большое поле рядом с участком. Утро было жарким, в воздухе носилась пыль. На поле собралось около шестидесяти человек.

Вдруг Миша закричал, указывая куда-то пальцем:

— Смотрите, вон папа!

Солдаты провели мимо нас толпу мужчин. Они, еле волоча ноги, шли по дороге в Жаркент. Папа помахал нам рукой. Он выглядел изнуренным, но сумел выдавить улыбку. Вскоре он растаял вдаль: в воздухе носилось столько пыли, что почти ничего не было видно.

Нас два часа продержали на поле без воды и питья. Миша убеждал маму разрешить ему сбежать в соседнюю деревню и попросить хлеба, но она боялась, что нас уведут прежде, чем он вернется. Все же Мише удалось ее уговорить. Я тоже хотел пойти с ним, но знал, что мама никогда на это не согласится.

Прошло меньше часа. Солдаты вернулись и закричали, чтобы мы пошевеливались. Мама в отчаянии искала и звала Мишу. Но он так и не появился. Солдаты повели нас вперед. Мама заплакала. Я ничего не понимал, но слышал, как мама молится: «Господи, не допусти, чтобы я потеряла и мужа, и сына. Пусть они быстрее вернуться!»

— Мама, куда мы идем? — спросил я.

— Обрато в Жаркент, — ответила мама.

— А папа и Миша тоже будут в Жаркенте?

— Надеюсь.

Мамины глаза покраснели, а воротник был мокрым от слез. Она то и дело оглядывалась и растягивала веки пальцами, чтобы лучше видеть. Должно быть, она искала Мишу.

ИЗ ДАЛЕКОГО КРАЯ

Солдаты поторавливали нас. Тогда мама брала меня на руки. Сестры несли Васю и оставшиеся у нас жалкие пожитки.

Мимо нас по узкой проселочной дороге проезжали грузовики. Они обдавали нас клубами пыли, и она прилипала к потной коже. Мама поила нас водой из маленькой жестяной фляжки. Солдаты нам ничего не давали. Они постоянно поносили нас, чтобы мы шли быстрее.

Мы приблизились к деревне. Подъехавший сзади грузовик громко просигнализировал. Он вез огромную гору мешков. Наверху сидел Миша. Он отчаянно размахивал руками и громко кричал:

— Мама, я здесь! Встретимся в городе. Обо мне не волнуйся!

Грузовик исчез в клубах пыли. Мишин голос стих вдали. Мама заулыбалась. Бог ответил на ее молитву.

Солдаты стали кричать, что мы можем проваливаться на все четыре стороны. Они просто ушли и бросили нас. Мама сказала, что им надоело подгонять женщин и детей, и они решили предоставить нас самим себе. Похоже, их не волновало, выживем мы или умрем. Но маме было не все равно. Она упрашивала нас идти поскорее, потому что наступал вечер.

На закате мы подошли к другой деревушке. Мама сказала, что нам нужно где-то переночевать. Мы хотели пить и есть. Вдруг мы заметили в дверях брошенного дома мальчишескую фигуру. Это был Миша! Он бросился к нам навстречу и обнял каждого из нас.

По маминому лицу потекли слезы.

— Почему ты плачешь? — спросил Миша.

— Папу увели в жаркентскую тюрьму, — ответила мама. — Нам негде спать, у нас нет еды. Что делать?

— Мама, не волнуйся. Я нашел ночлег. Идите за мной.

Миша подвел нас к старому пустому дому на краю деревни.

— Тут ни окон, ни дверей, — рассказал Миша. — Но я подобрал по дороге старые доски и занавески.

Он даже подготовил для нас постели из соломы. В доме было холодно, но, по крайней мере, было где спать.

Быстро стемнело. Мама попросила Мишу развести огонь, а сама отправилась на поиски пищи. Она выглянула из окна и увидела неподалеку крестьянский домик. Внутри горел огонь.

— Схожу туда, попробую обменять что-нибудь на муку, — сказала она.

Мама осторожно достала из кармана красивый голубой платок. Бабушка подарила его ей несколько лет назад, и мама очень берегла этот платок. Она нежно погладила ткань. Мы с Марусей догадались, что она собирается обменять драгоценную вещь на еду, чтобы накормить нас. Неужели мама решится на такую жертву? В обмен на платок мама получила всего лишь три пригоршни пшеничных отрубей. К тому времени Миша развел огонь, а Маруся сорвала со стоящего неподалеку дерева несколько зеленых яблок. Мама почистила яблоки и смешала их с отрубями в надежде, что плоды свяжут тесто для блинчиков. У нее долго ничего не получалось, и мама плакала, когда готовила нехитрую еду. Наверное, ей было жаль платка, а может, она скучала по папе или со страхом думала о будущем. Мы так проголодались, что с удовольствием съели все мамины «блинчики».

ИЗ ДАЛЕКОГО КРАЯ

После скудного ужина мы улеглись на соломенные постели. У всех разболелись животы. Желудок сжимался от жутких спазмов. Я проплакал несколько часов. Маруся и Лена всю ночь ворочались и не могли уснуть. Боль утихла только кутру.

Мы пошли по дороге в Жаркент и к вечеру вернулись в свой совхоз. Подходя к дому, мы заметили, что внутри есть люди. Миша подбежал к двери и вошел в дом. Каково же было наше удивление, когда мы увидели наших соседей. Они сидели вокруг костра, который развели прямо на земляном полу посреди дома! В большой кастрюле варился кролик. Они удивились не меньше нашего.

— Мы думали, вы ушли в Китай, — объяснили соседи, — а дом бросили. Простите, что вломились сюда.

Мама не стала сердиться. Соседи предложили нам отвезти суп и кролика, и мы с радостью согласились. После ужина все быстро заснуло.

Утром мы отправились в Жаркент. У нас не осталось ни еды, ни денег, и мы останавливались в домах знакомых христиан. Особенно радушно нас принимала семья Шевченко. Алексею Шевченко было шестнадцать лет. После работы он играл со мной и Мишей. Мама каждый день носила папе в тюрьму передачи. Она рассказывала, что папа очень устал и просит за него молиться. Через три недели папу выпустили из тюрьмы. После этого он нашел работу на рисовых полях. Платили ему преимущественно рисом, и мы все время ели рисовую кашу, которую готовила мама.

В Жаркенте мы с другими христианами ходили в церковь (их было шесть или семь семей, всего сорок шесть взрослых и детей). Церковные службы проводились днем и вечером

по воскресеньям, а также утром по средам. Мы собирались в арендованном доме на улице, на которой росли красивые березки. Церковь находилась рядом с большим рынком под открытым небом. Казалось, он никогда не закрывался. На рынке всегда было полно людей, которые покупали и продавали овощи, фрукты, животных и другие вещи. Многие смуглые люди носили на голове шапочки. Они были совсем не похожи на нас, белокожих русских. Они напоминали мне наших сокамерников, с которыми мы познакомились в приграничной тюрьме. Папа называл их *мусульмане*.

Помню, что по дороге в церковь мы часто проходили мимо милицейского участка. Миша шепотом рассказал мне, что милиция следит за христианами и только и ждет, чтобы арестовать тех, кто замышляет побег в Китай.

Я не знал, что папа и другие прихожане молятся о том, чтобы Господь подсказал им новый план побега в Китай. Я был потрясен, когда папа признался нам в этом после вечерней молитвы. Если его поймают второй раз, наказание будет куда более суровым. К тому же, он так ослаб в тюрьме, что не мог долго идти. А ведь теперь до границы куда дальше, чем от нашего совхоза.

Папа каждый вечер просил Бога дать ему сил:

— Господи, я устал и ослаб, но я не хочу здесь оставаться. Пожалуйста, укажи нам верный путь.

Помню, родители часто молились с Шевченко и Думановскими до поздней ночи. Они просили Бога подсказать им лучшее время для побега и надумать, как это сделать. Однажды, после собрания, отец собрал нас и объявил:

— Сегодня Господь поведет нас в Китай.

ИЗ ДАЛЕКОГО КРАЯ

Той ночью я не мог уснуть: я грезил о сахаре и белом хлебе и жалел, что не успел доесть лепешку, которую забрали пограничники. *«На этот раз, — думал я, — я сразу съем хлеб, как только он окажется у меня в руках».*

Утром папа, как ни в чем не бывало, отправился работать на рисовое поле.

— Главное, чтобы никто ничего не заподозрил, — сказал он маме, прощаясь.

Днем он вернулся домой, и мы забежали по дому, как испуганные кролики. Мама быстро собрала нас в дорогу, потому что у нас почти не было вещей. Мы взяли кое-какую одежду, несколько фляг с водой и три буханки черного хлеба.

— Мы встретимся с остальными в церкви и оттуда пойдём в Китай, — сказал папа.

Проходя мимо милицейского участка, я смотрел прямо перед собой и молился о том, чтобы нас не заметили. Я надеялся, что больше никогда не попаду в тюрьму.

Вечерело. Люди приходили в церковь. Наконец там собрались все сорок шесть человек. Дети прыгали от радости, но старейшины сохраняли серьезный вид. Матери забавляли младенцев, чтобы они не плакали. Мой младший брат Вася жалобно хныкал. Он был таким крошечным и слабеньким... Мама не спускала его с рук и кормила рисовой кашей, чтобы он молчал.

Я обратил внимание, что мы не пели песни, как обычно. Миша объяснил, что это из-за того, что нас могут обнаружить. Даже молитвы звучали тише.

Вдруг слово взял один из старейшин. Он повторил то, что ему сказал Бог:

— «Слушайте Меня, дети: ничего не бойтесь, потому что сегодня вечером Я поведу вас. Вы будете идти с песнями и великой радостью».

Помню, что многие удивились:

— Как так? Вокруг же люди, и милиция патрулирует улицы. Они нас услышат и арестуют. Нас отправят в тюрьму. Вряд ли это слова Бога.

Но другие, в том числе мама и папа, похоже, поверили, что с нами говорил Бог, и продолжили молиться. Мы услышали еще одно незабываемое пророчество. Один из старейшин твердо сказал:

— Внемлите, что сказал Бог: «Я поведу вас в час ночи».

Мы стали ждать. В полночь в Жаркенте началась буря. Подул сильный ветер. Я думал, он переломает все березы на улице. Люди бросились с базара домой, но из-за свиста ветра ничего не было слышно. Улицы опустели.

Тогда Бог дал последнее указание: «Дети, идите сейчас. Моя рука защитит вас».

Иван Верховод открыл дверь, и мы незаметно покинули здание. Папа нес меня на руках. Снаружи бушевала буря. Листья носились в воздухе. Начался дождь. Я слышал в отдалении раскаты грома. Мы гуськом пошагали по городу. Шествие растянулось на целых два квартала. Несколько девушек в начале процессии громко славили Господа, но ветер был таким сильным, что мы их почти не слышали.

Так Бог вывел нас из Жаркента. Ни милиционеры, ни другие жители города ничего не видели. Когда мы дошли до границы города, колокол на городской башне пробил час ночи. Бог сдержал свое обещание.

Ваня и Лена. Шанхай, май 1947 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Джони Эриксон Тада 15

Историческая справка 19

Пояснение автора 20

Пролог: май 1933 года — провинция Синьцзян
на северо-западе Китая 21

ЧАСТЬ 1

Начало весны 1933 года — на востоке
от Алма-Аты (Казахстан) 27

ЧАСТЬ 2

Осень 1933 года — на юге от города Кульджа
(Китай) 75

ЧАСТЬ 3

Январь 1942 года — Кульджа 163

Послесловие 239